

10. Котович А. Духовная цензура в России. СПб., 1909.
11. Лемке М. И. Очерки по истории цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
12. Мартынов Б. Ф. Журналист и издаватель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962.
13. Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры, 1700–1863. СПб., 1892.
14. Стасчук Н. И. Вольная типография И. Г. Рахманинова на Тамбовщине// Вопр. истории. 1956. № 12.

Рукопись поступила в редакцию 8 апреля 2013 г.

УДК 316.343.32 + 323.31 + 323.325

Ю. И. Мирошников

«МЫ ПОСМОТРИМ, КТО СИЛЬНЕЕ – ВЛАСТЬ ИЛИ МЫСЛЬ» (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена)

Современное российское общество утратило устойчивый вектор исторического развития. Эта ситуация делает актуальным обращение к событиям России, последовавшим за Декабрьским вооруженным восстанием 1825 г. Вместе с тем особенно востребованной сегодня оказывается такая ключевая фигура идеейной и политической жизни XIX в., каким является А. И. Герцен. Время А. И. Герцена – это зеркальное отражение эпохи современной постсоветской России, отражение, где левое становится правым и наоборот. А. И. Герцен всегда сохранял свою идеиную мобильность, свободу выбора, возможность критики и чужих, и своих взглядов. В борьбе за будущее своей родины А. И. Герцен придавал решающее значение свободе выражения общественного мнения. Он был уверен, что мысль, выраженная публицистическими средствами, способна повести за собой общество вопреки воле властных структур.

Ключевые слова: русское дворянство, образованный человек и ученый, западники и славянофилы, деспотизм императорской власти в России, крестьянская община – зародыш социализма, европейская идея социализма, проблема прогресса в России, стиль мышления Герцена, публицистика, гегельянство.

Европейски воспитанный человек

Герцен считал себя европейски воспитанным человеком, впитавшим «с молоком матери европейскую цивилизацию», судьбу «старой Европы» он принимал как свою [4, 209]. Таких людей, как он сам, Герцен причислял к особому социальному слою российского общества, который называл образованным меньшинством класса дворянства, стоявшим между правительством и народом. Именно в этом слое «образованного меньшинства», по его мнению, таится «зародыш и умственный центр» общественного прогресса [Там же, 215]. Петр I дал толчок для возникновения этого слоя, но дальнейшее его развитие привело к глубокому внутреннему конфликту с деспотической властью Российской Империи.

«В этом сословии, где можно встретить самую высокую европейскую научную культуру при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной

службы, — кипит множество страстей и сил, которые, именно вследствие отсутствия выхода, бродят, растут и часто вырываются на свет в виде какой-либо блестящей, эксцентричной личности» [4, 216]. Герцен как раз является собой пример такой «блестящей эксцентричной личности». Он мыслил не только классово, тщательно прописывая то общее, что связывает человека с обществом, но и типологически. Одна из самых коренных его типологий — Россия и Европа, и не мудрено, что, говоря о личности, Герцен непременно противопоставлял нашу личность личности на Западе. «Развитые личности у нас редко встречаются, но они пышно, разметисто развиты, без шпалер и заборов. Совсем не так на Западе» [1, 113]. И вновь можно из этой характеристики типа русской личности почерпнуть многое в качестве самохарактеристики автора «Былое и думы». Личность Герцена вписывается в эту формулу, она действительно была развита пышно и разметисто, без шпалер и заборов, как береза в поле.

Еще хотелось бы задержаться немного на квалификации социального слоя, в котором Герцен себя вполне законно прописывает наряду с А. С. Пушкиным и декабристами. Я имею в виду специфику части дворянского класса, которую он называет «образованной». Такому виду дворянского рода Герцен дает специальное обоснование в работе «Дилетантизм в науке», противопоставляя «образованному» слою слой (профессиональную группу) ученых, образованному человеку — ученого. Ученый — профессия, а об образованности человека говорит не наличие у него диплома об окончании университета, а уровень, степень развития личности, высоты ее внутренней культуры. В интеллектуальном плане образованный человек — универсал, «образованный человек не имеет права быть глупым ни в чем» [2, 53]. В любой области знания он считает необходимым овладеть определенным уровнем, ученый же за границами требований профессии не чувствует обязанности в чем-либо быть компетентным. В личностном плане в отношении образованного человека предполагается совершенство его нравственных качеств, среди которых главное — свобода проявления «я». «Образованный человек мыслит по свободному побуждению, по благородству человеческой природы, и мысль его открыта, свободна; ученый мыслит по обязанности, по возложенному на себя обету, и оттого в его мысли есть что-то ремесленническое и она всегда подавторитетна» [Там же, 53].

Творчество Герцена в контексте основных оппозиций общественной мысли России XIX в.

Творчество Герцена развертывалось в середине XIX в., когда в России уже вполне обозначились основные оппозиции общественной мысли: западничество — славянофильство, секуляризм — религиозная философия, революционность — охранительство, разработка планов по социальному переустройству российского общества — поиск путей нравственного совершенствования человека. Эти оппозиции вместе с другими, здесь не выделенными, образуют духовное целое, они функционально связаны между собой, вытекая из генетически первичной, образовавшейся благодаря расщеплению общественной мысли России на западничество и славянофильство.

Герцен все эти оппозиции не только чувствовал и понимал, но исследовал философскими и публицистическими средствами. Можно сказать, что он мыслил этими оппозициями, но, по-видимому, жестко не закреплял за собой какое-то место в их структуре. Его точка зрения всегда сохраняла мобильность, свободу выбора, возможность критики и отрицания своих прежних взглядов, которые он когда-то отстаивал.

«Архивный юноша» А. И. Кошелев, друг И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, первый издаатель органа славянофилов — журнала «Русская беседа», в своих записках вспоминает, что борьба между нарождавшимся «русским направлением (т. е. славянофильством. — Ю. М.) и господствовавшим тогда западничеством» возникла в беседах друзей, среди которых, кроме уже названных имен Киреевского и Хомякова, фигурируют М. П. Погодин, С. П. Шевырев и др. Причем, как отмечает Кошелев, почти единственным представителем зарождающегося славянофильства был Хомяков, «ибо и Киреевский, и я, и многие другие еще принадлежали к последнему», т. е. к западничеству. «Главными, самыми исключительными защитниками западной цивилизации были Грановский, Герцен, Н. Ф. Павлов и Чаадаев. Споры наши продолжались далеко за полночь, и мы расходились по большей части друг другом недовольные; но о разрыве между этими двумя направлениями еще не было и речи» [8, 78].

Полуночные споры рано или поздно должны были сделать свое дело, и они его сделали. Как замечает Герцен в своих мемуарах «Былое и думы», в формировании этой главной российской оппозиции решающую роль сыграл темпераментный Белинский. Одни присоединились к «неистовому Виссариону», другие встали к нему в непримиримую оппозицию, «он их (т. е. славянофилов. — Ю. М.) додразнил до мурмолок и зипунов» [1, 29]. Но и Герцен отмечает, что люди, составившие в конце концов два непримиримых стана противников, сформировались на *одной* совокупности понятий, как в перенасыщенном растворе из одних и тех же веществ вдруг возникают две разные кристаллические формы. У Герцена вызвало изумление, что «часть московских славян с Гегелем в руках взошли в ультраславянизм» [Там же, 38]. Вместе с тем Герцен в этой же ситуации проявил чувствительность к иронии истории. «Стоит вспомнить, — говорит Герцен, — что Белинский писал в “Отечественных записках”, а Киреевский начал издавать свой превосходный журнал под заглавием “Европеец”, эти названия всего лучше доказывают, что вначале были только оттенки, а не мнения, не партии» (курсив в цитате мой. — Ю. М.) [Там же]. Менталитет Герцена был так устроен, что в нем оппозиции порождались и соединялись как соединяются противоположности в целостном организме. Оппозиции рождались как оттенки мысли не только в голове Герцена, но и в головах его бывших друзей мысли неуклонно разрастались до мнений, которые начинали жить самостоятельно, увлекая за собой и общественное сознание. Но мыслям, готовым жить самостоятельно, предшествуют сама жизнь, перипетии личной жизни мыслителей. «Западничество и славянофильство, так несоединимые в книгах, соединяются без всякого противоречия в живой натуре человека, которая богаче, могущественнее и правдивее всякой логики» [7, 108].

Среди коллизий общественной жизни России самой значительной для Герцена (да и для всех тех мыслителей, которые оперировали понятиями славянофильства и западничества) была деятельность Петра I, противоречивое историческое наследие, доставшееся России. С точки зрения Герцена, Петр I — единственная исключительно важная фигура в русской истории. В этом мнении сходились многие философы России, хотя и с разными оттенками мысли.

Петр I дал толчок всей стране, привел наконец в движение нацию, которое с тех пор продолжается не замедляясь. «С энергией революционера и упрямством самодержца он решил окончательно порвать с прошедшим: с нравами, обычаями, законодательством, — одним словом, со всем прежним политическим организмом» [4, 207]. Однако Петр не был внутренне, духовно свободен от Запада и копировал его. «Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была в высшей степени противна духу русского народа» [Там же, 208]. Но даже не эти результаты слепого заимствования ставил Герцен в вину Петру. Главное его детище — императорская власть, воплощенная в Петербурге. «Представьте себе теперь, — пишет Герцен в статье “Россия”, — союз московского царизма с режимом немецких канцелярий, с инквизиционным процессом, заимствованным из прусского военного кодекса, и вы поймете, почему императорская власть в России оставила далеко позади деспотизм Рима и Византии» [Там же, 208–209]. Герцен считает, что безусловным злом, порожденным (и порождающим доныне) империей Петра, является подавление личности. «Личность человека у нас везде принесена на жертву без малейшей пощады, без всякого вознаграждения» [Там же, 199]. Продолжая эту тему с использованием художественных средств, Герцен пишет: «Помешник говорит слуге: “Молчать! Я не потерплю, чтоб ты мне отвечал!”». Начальник департамента замечает, бледнея, чиновнику, делающему возражение: “Вы забываетесь, знаете ли вы, с кем вы говорите?” Государь “за мнения” посыпает в Сибирь, за стихи морит в казематах, — и все трое скорее готовы простить воровство и взятки, убийство и разбой, чем наглость человеческого достоинства и дерзость независимой речи» [Там же, 250].

Герцен, с одной стороны, не идеализирует Петра, как иные другие западники, с другой, в отличие от славянофилов, ему совершенно ясно, что личностному началу враждебен не только деспотизм императорской власти, но и крестьянская община. Последнее обстоятельство славянофилы отрицали с порога. Для Герцена самодержавие и крестьянская община дают целостное образование, поддерживают друг друга именно как институты, одинаково исключающие существование личности в России.

Мечты о новой России

Глубокое понимание отношений между Россией и Западом приходит к Герцену в конце 40-х гг., когда он, уехав за границу на время, остается там навсегда. Европа (прежде всего Франция) поражает Герцена духом мещанства, меркантильности, и во многих зарубежных произведениях он как очевидец фактически подтверждает тезис славянофилов о «гниении Запада». Например, «гниение

Запада» — одна из любимых тем славянофила С. П. Шевырева, литературного критика, поэта и публициста, профессора Московского университета [9, 513]. Высокоинтеллектуальной, но состарившейся Европе Герцен противопоставляет молодую, энергичную, хотя еще не осознающую своих сил Россию. Начинается новая мировая эпоха, в которой Русь призвана исполнить новую, теперь уже заглавную, роль. Ей теперь предстоит не быть чужой Европе, как до Петра, не быть ее ученицей, как после него, и не быть ее врагом, как теперь.

Какую же идею способен внести этот ребенок — русский народ — в мировую историю в семье европейских народов? Россия уже сбросила кору царизма, на ней, как на быстрорастущем древе, уже и кора империализма непрочно прилегает к стволу. Россия идет навстречу социализму, мысль о возможности построения которого была выработана на Западе. Для запада социализм так и останется только надеждой, «для нас он уже действительный факт, с которого мы начинаем» [4, 204]. Как ясно видел Герцен то, чего еще на самом деле не было, но что действительно случилось в России почти семь десятилетий спустя.

Герцен признавал, что дух России не вызрел, не встал на самостоятельный путь развития. Именно поэтому русский народ так легко принял христианство, а затем через 800 лет так же безропотно стал усваивать плоды западной цивилизации (преобразования Петра). «Славянский мир похож на женщину, никогда не любившую и по этому самому, по-видимому, не принимающую никакого участия во всем происходящем вокруг нее» [5, 315]. Женское начало России впервые отмечено Герценом — тема, подхваченная впоследствии Н. А. Бердяевым.

Герцен считает, что продвижение России по пути прогресса возможно лишь при двух условиях — при условии: 1) объединения России со всеми славянскими народами; 2) согласования российской политики с революционной идеей социализма, разработанной в Европе. Имея в виду это, второе условие, Герцен утверждает: «Будущее России зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы» [Там же, 334].

Двухсотлетний юбилей Герцена, который мы отметили в прошедшем 2012 г., подчеркнул актуальность круга идей автора «Былого и дум». При этом бросается в глаза одна странная особенность взаимного соответствия эпохи Герцена и эпохи современной постсоветской России. Это зеркальное соответствие, где левое отражается как правое и наоборот. Сегодня наша российская деятельность в соотношении с Западом сильно напоминает эпоху Герцена, но при этом исторические векторы имеют противоположные знаки. За четверть века до начала широкой литературной деятельности Герцена в Европе, когда он решился своим публицистическим словом одолеть самодержавную российскую власть, в России произошло Декабрьское вооруженное восстание. В нынешней России четверть века назад рухнул Советский Союз.

Герцен мечтал о социализме для России, зримо видел его контуры, верил, что он непременно наступит, минуя стадию капиталистического развития российского общества. Нынешняя Россия «сходила в социализм» и вернулась из него обратно. Герцен со всей силой отпущенного ему литературного таланта обличал мещанский образ жизни Запада. Нынешняя Россия с самозабвенной

страстью окунулась в мещанство, полюбила его «всем разумением, всем сердцем своим». Герцен мыслил глобально, все время имея в виду исторический путь России, ее историческую миссию, ее мировую роль. Герценовская эпоха — время предчувствия какого-то подвига России, призванной удивить Европу. В сегодняшнем российском обществе на роль приоритетной претендует мысль из популярной песни о погоде в доме, все остальное за пределами семейного мира — суета. Россия утеряла исторические ориентиры, миссию мирового лидера, инициативу сверхдержавы.

Становление стиля мышления Герцена: наука, философия, публицистика

Прежде всего, отметим, что взгляды Герцена на науку являются прямым следствием его взглядов на философию. Не менее важно учесть, что его представления о том, что есть подлинная наука, а не та, которая за таковую слывет, формировались вместе с развитием его понимания личности и ее роли в обществе. Критика науки как формы узкопрофессиональной деятельности основывалась у Герцена как раз на этих принципах коренного единства научного и философского познания, на представлении, что ученый, если он ученый, а не типичный представитель замкнутого цеха так называемых ученых, должен быть личностью и, следовательно, образованным человеком.

Герцен в 1829 г. поступает на физико-математический факультет Московского университета, в котором преподавание философии было приостановлено в 1826 г., кафедра философии была упразднена. Однако философия пробивала себе дорогу в университетские аудитории, минуя запрет царского правительства. «Германская философия была привита Московскому университету М. Г. Павловым... Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: “Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?..” Ответом на эти вопросы Павлов излагал учение Шеллинга и Окена...» [1, 16–17].

Знания немецкой философии, преподаваемые Павловым на лекциях вместо физики и сельского хозяйства, были всего лишь введением, которое Герцен сравнивал с пышными сенями, ведущими в скромное жилье. Но начало было положено, а дальше в интеллектуальную работу включились студенческие кружки, в них-то и вызрели первые российские знатоки Гегеля, по праву олицетворявшего вершину немецкой классической философии. Возник круг «сентиментальных немцев» во главе с рано умершим Станкевичем (1813–1840) и круг «социалистов и французов», в котором верховодили А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Сравнивая эти два сообщества молодых русских гегельянцев, Герцен пишет: «Они (т. е. “сентиментальные немцы”. — Ю. М.) чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы (т. е. “социалисты и французы”. — Ю. М.) мечтали о том, как начать в России новый союз по образу декабристов и самую науку считали средством. Правительство постаралось закрепить нас в революционных традициях наших» [Там же, 39].

Философия Гегеля не выдержала революционного энтузиазма, проявлявшегося в бурных дискуссиях членов кружка Герцена — Огарева. В частности, Герцен обнаружил в философии Гегеля два существенных изъяна. Гегелевская система лишь намекала, что дело важнее слова и этим фактически ограничивалась. Кроме того, в философии истории Гегеля вместо реальной исторической личности действовал абстрактный субъект — мировой разум.

Усвоение, пропаганда и критика немецкой философии позволили Герцену выйти на передний край развития европейской научной мысли. Об этом говорят уже его работы 40-х гг. «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». В них Герцен разрабатывает понятия науки и научной истины, проблему единства теоретического и эмпирического в научном знании, проблемы научного метода. Здесь же он развивает свое понимание связи науки с жизнью общества и подвергает критике узкий профессионализм ученых, негативные последствия специализации научной деятельности.

Герцен полагает, что наступил век науки и будущее России зависит от отношения, которое российское общество к науке выработает. Герцена заботит проблема участия науки в жизни общества: как сделать науку источником движения и прогресса. «Ей (науке. — Ю. М.) скучно и тесно в аудиториях и конференц-залах; она рвется на волю, она хочет иметь действительный голос в действительных областях жизни» [2, 44]. Герцен рассуждает о причинах недостаточного развития науки в России. Наука плохо прививается в российском обществе, потому что здесь лишь потребляют готовые плоды западной науки, но не пытаются освоить сам процесс научной деятельности. «Нам хотелось бы взять результат, поймать его, как ловят мух... Наука существует как наука, и тогда она имеет великий результат; а результат отдельно вовсе не существует...» [Там же, 10–11].

Однако, несмотря на его критическое отношение к философии Гегеля и ко всей классической немецкой философии, понимание Герценом науки все-таки оставалось в рамках традиций рационализма и в период работы над книгами «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», созданными им в России, и в других трудах, созданных уже позже, в эмиграции. В одном из последних (весьма важном) произведений «К старому товарищу» (1869), обращенному к М. А. Бакунину, Герцен о науке пишет как об интеллектуальной силе, самодвижущем начале, раскрывающем отношения вещей и их законы. Науке нет дела до употребления вещей, она касается лишь их понятий. «Если наука в руках правительства и капитала — так, как в их руках войска, суд, управление. Но это не ее вина. Механика равно служит для постройки железных дорог и всяких пушек и мониторов. Нельзя же остановить ум, основываясь на том, что большинство не понимает, а меньшинство злоупотребляет пониманием» [3, 592]. Все-таки теперь, в конце 60-х гг., Герцен видит, что в социуме силе науки (силе ума) следует считаться с другими ментальными феноменами, которые уму противостоят по своей глубинной сути.

Социальное противостояние носителей двух противоположных начал — рационального (ученые и образованные люди) и иррационального (народ) — порождает острую проблему понимания. Герцен эту проблему стал внятно осоз-

навать лишь на поздней стадии своей идейной эволюции — как проблему вовлечения в социализм народных масс («умственно дремлющих»). «Взять вдруг человека, умственно дремлющего, и огородить его в первую минуту, спросонья, рядом мыслей, сбивающих все его нравственные понятия и к которым ему не поставлено лестницы, — вряд ли много послужит развитию! — а скорее смутит, собьет с толку оглашенного или обратным действием, оттолкнет его в свирепый консерватизм» [3, 583]. С позиции герценовского рационализма народная масса предстает как «умственно дремлющая», как воплощение глупости, т. е. в характеристиках сугубо отрицательных, казалось бы, не достойных теоретического внимания. Однако рационализм Герцена теперь уже не мешает ему уверенно убеждать своего старого товарища, что к народной массе нужно подходить осторожно, «пора с глупостью считаться как с громадной силой» [Там же, 584].

Герцен 60-х гг. считает, что в социализм, в царство «свободы в разуме» можно войти лишь постепенно, через воспитание масс. «Его (т. е. народное сознание. — Ю. М.) надоно принимать за естественный факт и бороться с ним, как мы боремся со всем бессознательным, — изучая его, овладевая им и направляя его же средства — сообразно нашей цели» [Там же, 579].

Подчеркнем, что в преодолении философского рационализма, явно обозначившимся в последнем периоде творчества Герцена, огромную позитивную роль играла его публистика — жанр, ему органически присущий (как и многим другим выдающимся русским философам) и увенчанный гениальным произведением, главным, долго лелеемым детищем его творческих усилий. Конечно, имеются в виду герценовские мемуары «Былое и думы». Именно в этом произведении прежде всего следует видеть интегральное воплощение самобытного стиля мышления русского мыслителя, соединяющего безграничную эрудицию с виртуозным владением слова, полную свободу критического анализа с любовью к России, личностное (лирическое) начало с эпическим размахом, чисто теоретический и оценочный моменты в понимании бытия. Имея в виду прежде всего «Былое и думы», следует вполне присоединиться к В. В. Зеньковскому, который писал, что «Герцену действительно чужда идея “чистого познания” — он везде в познание привносит оценочный момент, и в этом смысле Герцен является одним из предтеч того “субъективного метода”, который расцвел в построениях Н. К. Михайловского и близких ему мыслителей» [6, 82–83]. В «Былом и думах» наиболее полно проявилась многомерность мышления Герцена, в равной мере опирающегося на логику «головы» и логику «сердца». Тезис Б. Паскаля о том, что у логики сердца есть свои законы, Герцен использовал здесь сполна. Таков был стиль его мышления, таким был его духовный мир, такова была эпоха, в которой он жил: «Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему» [1, 162].

1. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1964. Т. 9. М., 1956. Ч. 4. Гл. XXIX : Наши.

2. Герцен А. И. Дилетантизм в науке // Там же. Т. 3 . М., 1954.

3. Герцен А.И. К старому товарищу // Там же. Т. 20, кн. 2. М., 1960.
4. Герцен А. И. Россия // Там же. Т. 6. М., 1955.
5. Герцен А. И. Русский народ и социализм // Там же. Т. 7. М., 1956.
6. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Т. 1, ч. 2. Л., 1991.
7. Розанов В. В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век // Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990.
8. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 1 : Записки А. И. Кошелева. М., 1991.
9. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избр. филос. соч. Т. 1. М., 1950. Статья 3.

Рукопись поступила в редакцию 25 марта 2013 г.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>